

**ВЛАДИМИР
МАРЧЕНКО**

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

*РАССКАЗЫ И ЗАРИСОВКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ВЗРОСЛЫХ*

Москва
Издательство «БПШ»
2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛЕДНИЙ ЗАЗИМОК.....	3
ДАШКА – ЛАКОМКА.....	6
УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДЫМКА.....	7
ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.....	9
БАРБОС.....	13
УТОЧКА НА ПРУДУ	19
НОЖ.....	21
ПРЕВРАЩЕНИЕ КЛЕТКИ.....	25
ЗА ШИШКАМИ	27
СОСНА	31
ПРОХОДНЯ.....	33
«СЕРАЯ ШЕЙКА».....	44
САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПРАЗДНИК	56

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

А.Гусакову

ПОСЛЕДНИЙ ЗАЗИМОК.

Тропа, делая неожиданные повороты, петляла по лесу. Кое-где белел снег. Ветер холодными пальцами раскачивал редкие листья на берёзах и осинах. Сосны, потерявшие яркую летнюю зелень, выглядели тускло и неприглядно.

В серой мягкой глубине близкого неба, осторожно, взмахивая широкими крылами, летали гуси. Их было много. Они не могли построиться клином. Неровный клин то распадался на отдельные стаи, то поднимался над тайгой, то снижался.

Медленно шли по тропе двое. Хрустели почерневшие смёрзшиеся листья. Впереди шел человек с ружьём, позади медленно и ровно шёл пёс.

Шерсть клочьями висела на его боках, кости выпирали неровными буграми, клыки, обнажавшиеся, когда пёс зевал, были желты и стёрты. Карие глаза слезились на ветру. Пёс отворачивал морду в сторону.

Человек сосредоточенно о чём-то думал, и эта дума мешала ему идти. Иногда останавливался, снимал с лица паутинки, закуривал тонкую папиросу из жестяной коробки с остатками изображения российского па-

вильона ВСХВ. Человек кряжист, немного косолап и шел боком, приподняв правое плечо, пораненное медвежьими когтями.

Осень была длинная и сухая. Неожиданно выпал снег, потом ударил крепкий мороз. На озёрах появились закраины. В лесу тихо и светло. Лишь слышался стук лесного телеграфиста – дятла, да где-то очень далеко кричали кедровки. На голых ветках шиповника кровавыми каплями рдели плоды.

Двое вышли к обрыву старицы. Это место называлось «Собачьим кладбищем». Третий раз они приходят сюда. Человек остановился. Пёс сделал несколько шагов и тоже замер, поводя ушами. Человек снял с плеча ружьё и стал медленно поднимать ствол. Его конец с блестящей бронзовой точкой подрагивал. Человек опустил ружьё. Поднял...

Пёс глядел в чёрные кружки, из которых с грохотом вылетала смерть. Он не скулил, не выпрашивал взглядом жизни. Ждал, ждал спокойно и терпеливо. Пёс ждал смерти.

Да, он стар, а скоро будет очень холодно, и уже который год не пойдёт на охоту. Останется во дворе с глупыми курами. Станет смотреть на дорогу.

Ружьё опустилось. Человек вспомнил случаи, когда пёс спасал от неминуемой смерти. Случаев было не много, но они были. Человек не мог их забыть. Помнили их и поселковые охотники. Собаку пробовали украсть, хотели купить.

Шло время, пёс старился, теряя чутьё и зубы. Последнюю зиму было очень трудно. Морозы стояли жестокие. Он не мог согреться даже в сарае с коровой. В избу, не смотря на просьбы хозяина, не шёл. И вот

подступает ещё одна зима – морозная и снежная. Он это чувствовал.

Человек вскинул ружьё и услышал за спиной лёгкий треск сучьев. Оглянулся: большой старый медведь почему-то безбоязненно шёл к нему. Он не залёг на зиму в берлогу.

Пёс немного постоял, потянулся костлявым телом и, разевая пасть, пошел на медведя. Зверь присел, приготовившись к схватке, но собака начала обходить его, отводя от человека. Медведь встал на задние лапы. Пёс оглянулся на человека. В ту же секунду ловкий зверь ударил его лапой по голове. Он не успел увернуться. Тихо прозвучал выстрел.

Человек присел над собакой, тронул чёрный бархатистый нос, ожидая, что пёс встанет, и они уйдут домой. Собака открыла глаза. Увидев хозяина, попыталась встать. Пёс протянул лапу к колену человека и начал умирать.

На поляне у небольшого обрыва старицы стало сумрачно. Густо пошёл липкий снег. Затусшеванные деревья и кусты краснотала исчезли. Человек сидел, сгорбившись, словно после трудного перехода. На его старой шапке вырос сугробик. На собачий нос упала снежина.

В потемневшем близком небе, скрипя как ворота, построился гусиный клин.

Клюквинка. 1969.

ДАШКА – ЛАКОМКА

Когда был котёнком, ничем не отличался от своих братьев и сестёр. Характер у него оказался лёгким. Он послушно играл в навязываемые игры. Ему нравилось качаться на шторах, забираться на диванную спинку и прыгать на колени девочкам. Шерсть у него была длинная, серо-желтоватого цвета. Котёнок понимал, когда можно играть, а когда просто поспать, не мешая детям делать уроки.

Вера и Оксана шили котёнку одежду, укладывали спать на кукольную кровать. Он послушно лежал под одеялом, правда, не очень долго. Назвали его дети Дашкой. Незаметно из котёнка выросла добрая и понятливая кошка.

Как-то прибежали дети с улицы и с восторгом рассказали, как их спасла Дашка. Они подходили к дому. Небольшая собачонка стала на них лаять. Прибежала кошка и храбро бросилась на обидчика. Выгнула спину. Громко зашипела. Собака испугалась.

— Защитница наша, — говорила Оксана.

— Спасительница, — вторила Вера.

— Дайте вы ей молока, — предложила Лена, не отрываясь от толстой книги.

Молока дома не оказалась. Тогда девочки, обнаружив в холодильнике ничего подходящего, решили угостить кошку мороженым. Суп ела, рыбу обожала, на колбасу набрасывалась, а вот мороженое ещё не давали.

— Лучше сходите к соседям за молоком, — сказала Лена. — Мороженое коты не едят, так как оно холодное.

— А вдруг понравится, — хором сказали близнецы и выдумщицы.

Дашка сначала лизнула белый комочек, а потом с удовольствием съела.

— Давай, подогреем, — сказала Вера. — Чтобы зубы не заболели.

Кошка энергично встряхнулась, подняла вверх усатую мордочку и просительно мяукнула. Положили на блюдце ещё. Потом ещё. Дашка была на седьмом кошачьем небе от удовольствия.

С тех пор, когда покупают дети мороженое, не забывают и о пушистой лакомке.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДЫМКА

Дымка – кот. Ему пять лет. Познакомился с ним недавно. Биография у него короткая. Нашла его Галина – жена брата моей жены. В канаве. Выходила найдёныша. К нашему появлению кот отнёсся спокойно. Разрешал себя гладить и даже кормить. Саша – муж Галины — относился к коту без особого трепета. Сын— Игорь не замечал Дымку. Тоня — его жена, однажды поругала кота за то, что он спал на её кровати и оставил после себя клочок шерсти. Через день на покрывале Тоня обнаружила желтое пятно – Дымка оставил автограф, который источал аромат, но не духов.

Малую нужду кот справлял в раковину, что в ванной комнате. Откроет лапой дверь, запрыгнет на край, а потом повернётся хвостом к раковине.

Улицу кот не любил и боялся. Сидел в кухне на холодильнике и смотрел в окно. Однажды его вынесли погулять. Постояв немного на дорожке перед окнами

дома, посмотрел на свой этаж и определил свою форточку. Умудрился вскочить на раму. Порвал когтями марлю и оказался у себя на холодильнике.

Дымка обожал хозяйку. Она кормила его консервированной горбушей. Свежую рыбу не ел. Молоко лакал редко. Иногда съедал кусочек ливерной колбасы. Новомодную кошачью пищу не признавал. У кота было любимое кресло, которое частенько драл. Прибитый к тумбочке в коридоре валенок для упражнений и заточки когтей трогал нехотя и редко. Если хозяйка сидела на диване и смотрела телевизор, то кот сидел на спинке, касаясь её шеи. Однажды женщины очень увлеклись разговорами, а о Дымке забыли. Кот быстро спустился со спинки дивана, сел на колени хозяйки. Замурлыкал, начал когти запускать ей в ногу. Галина не очень обрадовалась, но пояснила, что Дымка ревнует. Когда хозяйка осталась на диване одна, кот вновь забрался на спинку.

Наблюдая за котом, понял, что обладает кошачьим разумом и удивительным чувством. Он реагировал лишь на звонки «своих»; спрыгивал с холодильника, спускался медленно с дивана или интенсивно вилял хвостом. Хозяйку встречал по-особому. В шесть пятнадцать кот выходил в коридор. Это значит, Галина вышла из автобуса. Если кот устремлялся к двери, значит, в магазин не станет заходить. Кот бесцельно заходит в кухню, возвращается в коридор, — хозяйка стоит в очереди. Дымка подходит к двери спокойно – Галина приближается к дому. Кот стремительно подбегает к двери, значит, сейчас стукнет входная дверь подъезда. Он никогда не ошибался.

Приближался Новый год. Галина задерживалась на работе. Карманных телефонов тогда не было. Я сле-

дил за Дымкой. Как только заволновался, сказал собравшимся, что она зашла в магазин. Мне верить не захотели. Вот котик кинулся к входной двери. Я сказал, что через две минуты Галина войдёт в подъезд. Дымка не подвёл. Его интуиция или телепатия сработали на «отлично». Все удивились моему прогнозу. Показал на Дымку, который тёрся о ноги, вошедшей хозяйки. Вот кто настоящий друг.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

Увидели дети в огороде большой подсолнух, и так им захотелось его сорвать, что они долго смотрели на него, раздумывая, какими должны быть вкусными семечки. Когда Вера и Оксана шагнули к ограде, Лена сказала строго:

— Девочки, этот огород не наш?

— Нет, не наш, — одновременно сказали Вера и Оксана.

— Что нам «петерь» делать? — спросила Оксана.

— Пойдём домой, и спросим у мамы. Разрешит нам сходить в огород и сорвать подсолнух, — сказала Лена.

— ...Нет, — сказала мама. — Вы опять потопчите огурцы, поломаете помидоры и натворите ещё много чего. Лучше я сама принесу вам подсолнухи, и щелкайте, сколько вам будет нужно...

— Мама, это не мы сломали. Мы же аккуратно, — сказали близнецы Вера и Оксана.

— Всегда ходим только по дорожкам. Ничего никто не ломает, — заверила Лена.

Мама не поверила. Дети обиделись. Мама запретила идти в огород. А они не ломали и не топтали. Это сделал кто-то другой, не они.

— Нет, нет. В огород я вас не пушу. Всё перетопчите и переломаете. Посидите во дворе, поиграйте в песочнице, а я скоро приду, только зайду к тёте Гале.

— Мы не будем сидеть, — сказала грустно Оксана. — Потому что мы всегда ходим по дорожкам.

— Мы очень аккуратные. — Сказала Вера обиженно.

— Тогда дома играйте, — сказала мама и ушла.

Дети хотели играть, но не игралось. Они вспоминали мамины слова. Она им опять не поверила. А это не они наступили на огуречную плеть, не они заделали помидорный куст. Это Дашка прыгала за бабочкой и натворила нехорошее.

— Давайте уедем, — предложила Лена. — Раз мама нам не верит.

Она видела, что папа моет мотоцикл. У двери гаража стояла канистра, в которую он набирал бензин на заправочной станции. Значит, папа залил в бак топливо. Можно ехать хоть до самого большого города, где живёт бабушка.

— Мы навсегда уедем! — воскликнули Вера и Оксана.

— Возьмите в сумку печенье, которое мама пекла утром, налейте в бутылку компот. Не забудьте кружки, а я пока буду писать. — Лена начала трудную работу. Ей предстояло написать письмо маме, чтобы знала, что дети уехали — навсегда — до самого ужина. Они все обиделись, так как мама им не верит, считает, что это они испортили помидорный куст. Они его не портили. Это всё сделала Дашка.

Дети рассказали папе о своей обиде. Он согласился отправиться в далёкое путешествие. И они поехали, куда глаза глядят. Глаза глядели в бор, чтобы искупаться в озере. Справа от дороги увидели странные кусты, на которых росли продолговатые бордовые ягоды. Мотоцикл остановился, не капризничая. Это заводиться он не любит. Всякие обиды в бору сразу забываются. Давно и всем известно. А если много кустов с ягодами, то и подавно. Никто не будет обижаться.

— ...Давайте, маме нарвём ягод, — предложила Лена. Близнецы не стали возражать, допили компот, что оставался в кружках, принялись за работу. Папа достал из багажника небольшое ведёрко.

Вера и Оксана забывали, что нужно ещё и в кружку положить ягодку-другую.

— Я не понимаю, — сказала Лена строгим голосом, заглянув в кружки девочек. — Вера и Оксана, не забывайте хоть немного маме рвать. Где она может попробовать таких сладких ягод? Я у бабушке ела в прошлом году много разных ягод, но такие не попадали. Попадала ирга, малина, смородина, клубника...

— И крыжовник! – Дружно подсказали девочки.

— Я одну кружку высыпала в ведро и вторую скоро наберу.

— Мы рвём, — сказала Оксана, стоя у большого куста.

— Мы рвём, рвём, — сказала Вера.

Мама была дома. Мыла огурцы, морковку и помидоры. На столе спокойно лежали два больших подсолнушных колеса. Лена внесла почти полное ведёрко сладких ягод. Мама посмотрела и побледнела.

— Вы это ели? – спросила у девочек.

— Ели, ели. И тебе нарвали, – сказала Вера.

— Вкусно, — сказала Оксана и зажмурилась, показывая, какая это удивительно-сладкая ягода. — Попробуй, мама.

— У кого болит живот? У кого болит голова? — Спросила мама и посмотрела сначала на Веру, потом на Оксану, потрогала лоб у Лены. — А ты куда смотрел? Это же волчьи ягоды!

Дети заглянули в ведёрко, ожидая увидеть в нём страшное, но Лена взяла ягодку...

— Брось! — Вскрикнула мама.

— Это не волчьи ягоды, — сказал папа.

— Как это не волчьи? Самые настоящие!!! Вы отравились. Вызывай «скорую». Взрослый человек, а стоит, улыбается. Ложитесь и не шевелитесь, — приказала мама.

— Мы теперь будем выть, как волки, — сказала Оксана и тоненько завывала: — у-у-у-у.

— Как правдишные волки, — сказала Вера и громко загудела: у-у-у-у.

— Прекратите! — приказала мама. — У кого болит живот?

Живот не собирался болеть ни у кого. Дети лежали на диване и щелкали семечки. Мама рассматривала ягоды и приговаривала:

— Вот наказание моё. Чего смеёшься? Плакать нужно. Меня ещё захотел отравить этим зельем. Мама хотела выбросить всю ягоду в мусорное ведро, но передумала и пошла с ним к соседке.

— Вкусные эти волчьи ягоды, — сказала Вера.

— Завтра нужно ещё поехать и нарвать на варенье, — сказала Лена. — Мало сегодня нарвали.

— Нам поменьше не надо. Нам надо побольше, — сказала Оксана. — Маме покажем, как эти ягоды волчьи красиво растут.

Пришла мама. Она смущённо улыбалась.

— Это серебрянка. Серебристая смородина. Какая-то подозрительная. Испугалась чего-то я. Такой ягоды не видела ещё. У нас, её и не было в тайге. — Мама, когда была маленькая, ходила в лес по ягоды, но там, где она жила, не росла смородина серебристая.

— Мама, мама, завтра поедем ещё с нами, — сказала Вера.

— Станем из неё варить сладкое варенье, — предложила Лена.

— С меня достаточно и сегодня.

— Ты только попробуй. Она хоть и волчья, а все равно сладкая, — Оксана крепко зажмурилась, чтобы мама поверила, насколько вкусной оказалась ягода.

БАРБОС

Барбос жил под высоким крыльцом. Когда дети начинали играть, старался спрятаться, так как знал, что его могут запрячь в коляску или привязать к ошейнику санки. А Саша мог вспрыгнуть ему на спину и кричать разные слова, изображая конника. Он был обыкновенной лайкой, но в последние годы на охоту ходил без удовольствия, так как вся его юность прошла под музыку ружейных выстрелов. Прошла давно.

Когда семья отплывала на покос, в деревянной лодке мало свободного места. Пёс мчался за моторкой по берегу, срезая крутые речные петли. Он не знал, за-

чем ему это нужно, но бежал по мокрой острой осоке, ориентируясь на звук двигателя.

Падала тишина. Барбос ждал выстрелов. Если мотор не работает, значит, неподалёку появились утки. Торопился. Слушал шум ветра в вершинах сосен. Поскуливая, сидел на берегу, видя, как хозяин поводит стволом «вертикалки». Нырок высовывал из воды нос, раздавался выстрел. Барбос бросался в речку, на глади которой отражались деревья и кусты, росшие по берегам.

Ему нужно быть рядом с хозяином, с другом, с которым мёрз у костра, делил добычу на охоте. Хозяин его любил, и он платил ему тем же, доставая убитых или раненых уток и гусей из ледяной воды. Когда во дворе появился маленький Саша, которого женщина водила за руку по огородику, он понял, что свою любовь нужно поделить еще и на детёныша, который не умеет добывать пищу, а только падает и скулит.

Иногда этот мальчуган лез к висящим косам под крышей, тогда Барбос придвигался к малышу и своим хвостом вызывал его на игру. Маленький человек отвлекался от опасных орудий и начинал обнимать его чёрную шею с белыми пятнами. Когда по улице посёлка Половинкино шло редкое рогатое стадо, мальчик старался выбраться из калитки, чтобы посмотреть, кто это так густо ревёт. Барбос вставал у него на пути и приглашал поиграть. Малыш трепал его за большие уши, прижимался гладким лицом к его лохматой морде. Барбос терпел. Ждал, что малыша заберут от раскрытой калитки, и он не попадёт под копыта.

Однажды хозяйка, похудевшая до прежних размеров, вышла на крыльцо с ещё одним своим детёнышем, который был так мал и беспомощен, что ему ста-

ло очень жалко его. Барбос разделил ещё раз свою любовь. Теперь отвечал и за эту несмышлёную девочку. Годы шли, как гуси по колхозному полю на закате. Росли дети хозяина. Старился Барбос.

Во двор набилось много маленьких людей. Они кричали и размахивали руками, словно хотели взлететь. Они делали луки и стрелы. Барбос спрятался. Эти маленькие настёрные человечки бестолково суетились, залезая на крышу сарая, и прыгали на кучу сена. Зачем они это делают – не понимал он, и предупредительно лаял, чтобы хозяйка их утихомирила.

Мальчика звали Саша, а девочку – Галя. Они ходили в школу по дороге среди сумрачного мокрого леса. По пути дети собирали грибы, рвали ягоду. Барбос боялся за них, так как вполне мог придти в посёлок медведь – Амикап, не нагулявший на боках жира. Барбос сопровождал детей до школы. Долго ждал их у поленицы дров, не вступая в глупые перелаивания дворняжек. В его жилах текла кровь великих таёжных охотников, которые не боятся ни медведей, ни волков. Возвратившись, спал на крыльце, вслушиваясь в стрекот сорок, которые всегда предупреждали о появлении чужих. Кругом посёлка лес, а по лесу текли реки и стыли по ночам озёра. В любой момент он мог понадобиться хозяину, чтобы выполнять важные дела.

В солнечный прошлый день вся семья отправилась на автобусе в тайгу. Кедровая грива растянулась на десяток километров на высоком яру, недалеко от старицы. Он не полез в вонючий автобус, как это сделали глупые молодые псы, а сразу побежал к мосту через речку Ингузет по своей старой тропе. Несколько раз бывал в этом бору, когда женщины и дети собирали кедровые шишки, упавшие после большого ветра.

Мужчины разбрелись в разные стороны, высвистывая рябчиков.

Он лежал у вывороченного кедра, ждал автобус. Молодые собаки выходили медленно, угоревшие от запахов бензина. Старые глухари, потревоженные детскими голосами, сразу покинули полянки, а бестолковые выводки рябчиков, взлетев, на ветки, решили переждать нашествие людей. ...Разломали тишину выстрелы. Первые птицы, теряя перья, пятнали кровью беломошник.

Барбос два раз принёс птиц, ощущая во рту тёплую кровь рябчиков. Он знал, что ему тоже перепадёт кое-что. Это будет нечто, не очень вкусное, но что поделать. Он не имеет права рвать зубами сочное мясо. Если подраненная птица начнёт уходить в густой ельник или сосняк, то её в пылу борьбы можно слегка помять зубами. Тогда хозяин отдаст птицу.

В тот день долго ловил раненую тетёрку, которая хитрила, подставляясь под выстрел, отводя хозяина в сторону от прятавшихся в кедровнике детей. Барбос перестал её преследовать, а помчался к старице, приглашая лаем хозяина. Он знал, где затаились тетеревята. После метких выстрелов, подлетела расстроенная мать. Она видела, как падали её дети. Шумно, превозмогая боль, взлетела на сук, подставилась под заряд картечи.

Уставшие вышли к старице, где рядами стояли мешки с кедровыми шишками. Дети бегали по лесу, радостно кричали. Хозяин приказал им молчать, так как в тайге не принято громко выражать восторг. Он достал из берестяного кузова еду. Отдал котлеты ему и детям. Забыл, Барбосу, что не нравится солёное жареное мясо. Дети ели и пили брусничный сок из термоса.

Барбос взглянул в глаза хозяину, поспешил к протоке с холодной коричневой водой.

— Чем тебя кормить, — сокрушалась хозяйка, глядя на свою тонконогую и тонкорую дочь. — Ничего не ешь.

Девочка морщилась и не ела ни борщ, ни отварную лапшу. Тогда она разрежала пышную булку и намазала брусничным вареньем. Девочка Галя обрадованно запрыгала у стола на одной тонкой ножке.

— Пойду на улку, — сказала она.

Галя вышла на крыльцо и начала слизывать варенье, которое мама ей давала редко, так как боялась возврата золотухи. Галин язык работал быстро. Вскоре варенье исчезло с булки, оставив следы. Девочка позвала Барбоса. Он выскочил из-под крыльца. Барбос поймал белый кусок и проглотил, не жуя. Дёрнул при этом шей и щёлкнул старыми зубами. Вторую половинку не поймал, так как не заметил, что девочка бросила. Сашка всегда отламывал хлеб с маслом ему, а другую часть ел сам. Барбос увидел кусок белого хлеба, пахнущего сдобой и вареньем. Неторопливо подошёл и начал есть, следя за руками девочки. Они были голыми и пустыми. Барбос подошёл к завалинке и устроился на солнышке, свернувшись клубком. Девочка ушла.

Барбос думал о предстоящей зиме. Она непременно придёт. Выпадет снег. Барбос видел солнце в ярко-белом свете. Зелень сосен и желтизна берёзовых листьев для него были тусклыми и серыми тонами. Алая кровь виделась ему бледными полосками и точками. Ведь собаки не различают цвета.

Галя вновь вышла на крыльцо и принялась слизывать варенье с булки. Барбос открыл глаза. Не бросился на крыльцо, но ждал. Булка очищена от варенья. Девочка села на ступеньку и позвала его к себе. Он бы мог не ходить. Хозяйка должна вынести ему миску тёплого супа с крошками хлеба. Ослушаться не мог, ведь свою любовь он разделил на четыре равные части. Одинаково относился своей душой к хозяину и хозяйке, к мальчику и девочке.

Ему показалось, что девочка подаёт ему белый пушистый хлеб, но она решила бросить его вверх, как это делал брат, чтобы Барбос в прыжке поймал его. Его зубы нечаянно скользнули по коже руки. Понял ошибку. Съел упавший хлеб. Вдруг заметил, что ребёнок страдает. По руке течет кровь. Он кинулся к ней и началлизывать ранку. Галя его гладила и пощипывала. Барбос страдал, его сердце разрывалось. Хотел завывать от горя, но не мог. Он не знал, как ему быть и что делать. Девочка не плакала, а только обнимала его жёсткую от шерсти шею. Он не мог этого вынести. Это было выше его сил. Они сидели, прижимаясь, друг к другу.

Вышла хозяйка и поставила перед конурой миску с ароматным супом. Барбос не смог заставить себя прикоснуться к еде. Его горе было таким огромным, что ничто на свете не могло с ним сравниться. Пришёл с работы хозяин и стал его звать. Звала его и девочка Галя, толкал в бок прутом Саша.

— Что с ним? — удивлялись хозяин и хозяйка. — Почему не ест? И утром не ел. — Барбос лежал под крыльцом. Видел озеро Светлое и стаи уток, проносящихся низко над водой. Он видел яр, по которому однажды карабкался, пытаясь выбраться наверх.

— Что у тебя на руке? – удивился мальчик. – Играла с Барбосом?

— Он нечаянно поцарапал, — сказала Галя, заглядывая в конуру. – Выходи, Барбос, ну выходи. Это я виновата. Ну что ты молчишь? – девочка плакала горько и неутешно.

На третий день Барбоса выволок хозяин за хвост и похоронил за посёлком.

УТОЧКА НА ПРУДУ

Уходили осенние деньки. Они были короткими, но тёплыми. Голые берёзы за плотиной стояли настоженные и тихие, зато сосны, окружавшие наш посёлок, выглядели строго и независимо. На пруду не слышался весёлый гам уток и гусей. Птица сидела по дворам, а дикие утки улетели.

Была суббота. Ночью резко подморозило. А утром иней украсил каждую ветку и камышинку на пруду. Выглянувшее солнце навело порядок. Пенные кружева стали слезливо подтаивать и падать, оставляя тёмные пятна. Пошли мы с Алёнкой к роднику, чтобы набрать мягкой воды для чая. У самой плотины летом возник он. Нерешительно выбился из земли тонкой хилой струйкой. За лето смог сделать промоину. Люди собрались с лопатами и помогли роднику ожить. Соорудили из новых досок лоток, чтобы было удобно набирать воду в ведро. Мальчишки пробовали электрифицировать ключ. С помощью деда Степана сколотили небольшое колесо, приладили динамку от велосипеда, на стоявшую ветлу повесили фару с лампочкой. Целую неделю родник вырабатывал ток, а потом сгорела лам-

почка. Потому что не сделали выключатель, чтобы фара отдыхала днём и светила всем ночью.

Мы приготовили запасную лампочку и переключатель. Нужно лезть кому-то на высокую берёзу, а мальчики нашли себе занятие. Они очень захотели найти в бору партизанскую землянку, в которой в юности зимовал дед Макар, прячась от мобилизации в армию.

Подходим к роднику, а в озерке плавает уточка.

— Серая Шейка, — сказала Алёнка. — У неё тоже крыло поранено. Торчит торчком. При нашем появлении птица спряталась в камышах. Мы набрали густой прозрачной воды, и пошли домой, думая об утке.

— Пап, вдруг мальчишки узнают и станут уточку пугать. Этот Толька Дёмин смотрит, кого бы обидеть зря.

Не дошли мы до своей улицы метров пять, как навстречу нам выскочил Толя Дёмин — человек очень решительный и резкий в движениях. Собаки его обегали, а кошки прятались, завидев его меткую рогатку.

— Здравствуйте, — буркнул Анатолий и важно зашагал к плотине новыми ботинками.

— Мы вот лампочку приготовили, а лезть на берёзу по тонким веткам опасно. Зачем так торопишься?

— Надо, — Лампочку мальчик взял, но не остановился. Дёмин, что-то придерживая в кармане.

— А чего тебе надо? Ты без ведра идёшь и без бидона, — удивилась девочка.

— Никому не говорите. Мы тут дежури́м. Моя очередь. Утку иду охранять, чтобы охотники не подбили. Хлеба несу.

— Чудесный ты человек, Толя. Правильно делаешь.

Мальчишки сколотили будку под вид собачей конуры. Всю зиму заботились об утке. Взрослые, идя по воду, брали с собой горсть пшеницы.

Утка привыкла к мальчикам, перестала прятаться. Вот только собаки проявляли особый восторг и смотрели на утку, которая плавала в полынье пруда, оскаливая жадные зубы. Тропку к роднику не замечало. Дети постоянно охраняли подопечную. Дед Макар в январе забрал утку домой. Замёрзла промоина. Однажды Алёнка говорит:

— Дёмин давно не занимается хулиганскими делами. На лыжах к роднику бегают, родник очищает ото льда. Реле сделал, чтоб свет сам выключался и включался. Весна скоро.

Зазеленели берёзы на пруду. Вётлы задымились шелком изумрудным. Пошли в посёлке огородные заботы. О Серой Шейке мы забыли, к роднику не ходили. Однажды вечером, когда смолили лодку, подошёл Дёмин – человек резкий и заботливый.

— Пойдём, Алёнка, я тебе утят покажу. У нашей Серой Шейки растут.

НОЖ

Товарищ Дёмин лениво учился во втором классе. Не был отличником. Учёба шла у него с напряженным трудом. Его всегда вызывала к доске учительница, когда забывал прочитать текст, выучить наизусть стихотворение. Будто бы учительнице радостно ставить ему постоянные двойки. Мог поднатужиться и получать высокие баллы, но не было у него, ни желания, ни ино-

го стимула, чтобы зубрить и понимать уроки, как говорит учительница Матрёна Павловна.

Кроме Толи Дёмина, в классе учились и другие товарищи, которым учёба была не праздником. У Толи есть товарищ – Федя Пичугин. У многих детей в классе не было товарищей. Они не умели дружить честно и постоянно. Толя и Федя умели. Пичугин — мальчик смышлёный в смысле пошалить, а в другом смысле — средний ученик. На всех уроках смотрел в дальнюю даль за окном. Матрёна Павловна многое отдала бы, чтобы увидеть то, что так сильно привлекает Пичугина. Но за окном ничего особенного нет. Дорога, бор, магазин и контора лесничества. Она решила посадить их вместе, не зная, что два товарища спокойно сидеть на уроках не смогут. На переменах смогут, а на уроках – не получится. На переменах нужно бегать по коридору или играть на деньги в «пристенок» за туалетом. На уроке не побегаешь. Ошиблась юная учительница. А с кем не бывает? Что ж за это в районо вызывать? Может быть, за родителями посылать? Ей только – только исполнилось девятнадцать лет.

Сидят Толя и Федя рядом. На доску смотрят, что-то пишут в тетрадях, что-то решают. Урок идёт – хочешь или не хочешь приходится учиться. Тебя никто не спрашивает, что тебе нравится делать. Изю дня в день одно и то же. Может, у человека настроения нет, он думает о Пальме – как она, в новой конуре. Не холодно ли ей, не болит ли у неё лапа, которую подбили пацаны с другой улицы. Кого интересуют твои проблемы? Чтобы отвлечь товарища от грустных мыслей, Федя достал из кармана маленький ножичек с блестящими «щечками». Привлекая внимание друга, строга-нул парту. Хорошо берёт чёрное дерево.

Толе нож понравился. Он забыл о Пальме, о том, что нужно записать домашнее задание. Руку только протянул, а учительница как посмотрит злыми глазами. Федя ножик сунул в карман, но как-то не очень ловко. Уронил. Лезть некогда, нужно срочно записать пример по арифметике. Подумал, возможно, потом поднимет. К концу урока Федя Пичугин забыл обо всём. Матрёна Павловна так интересно рассказывала о путешественнике Арсеньеве и его верном проводнике Дерсу, что и звонка никто не услышал. Собирая портфель, Толя уронил пенал. Полез за ним, увидел ножичек Федин. Хотел позвать его, но тот умчался занимать очередь в буфет.

Оставлять ножичек без присмотра под партой было бы непростительной глупостью. Толя взял его. Буфет оказался закрытым. Пичугин катался на портфеле на замёрзшей луже за школой, он даже пригласил Толю, но его ждала одинокая раненая Пальма. Они помахали друг другу шапками и продолжали свою внеклассную жизнь.

О ножичке Толя вспомнил, когда начал делать уроки. Он его нашел в школьных брюках. Ножичек дремал, сложившись пополам. Толя раскрыл его, попробовал построгать подоконник. А вот стол строгался намного лучше, только кучерявые стружки вились. Бабушка увидела такое столярное производство, и ей оно не понравилось. Она поставила Толю в угол. Мальчик понимал, что столы строгать ненадо, их уже выстрогали. Так сильно захотелось, что не удержался, а ведь мог строгать полено. Он грустно стоял и ковырял в собственном носу. Сами понимаете, что ковырять штукатурку нельзя. Нос – объект временный, радости не особо много, а удовольствие – ниже среднего. Он при-

нялся рассматривать ножичек. Он походил на ботинок. Гладкий и блестящий. Толя его даже во рту подержал немного. Когда лезвие закрывалось, оно щелкало. Лезвие было холодно-сверкающее, как зеркало. Он давно мечтал иметь такой складешок. Бабушка не покупала, так как не было у неё лишних денег.

Без ножа плохо путешественнику. В лес пойдёшь, а уверенности никакой. Хотя и палка на плече, ну то есть пика или копье. А если волк или тигр выскочат, то лук и стрелы не особо помогут. Пока стрелу пристроишь, пока лук растянешь, напасть могут и сразу съесть. А с ножом – тут дело другое. Да какой волк бросится, если ты с ножичком? Только слепой или глупый, а тигр вообще железо чувствует за сто шагов. Убежит.

Бабушка увидела ножичек. Подошла, потрогала, удивилась. Из угла Толю выпустила. Он захотел помогать ей — почистить картошку на ужин.

— Где ты взял его? – спросила ни с того ни с сего. Ей завидно стало, ведь картошку чистить большим ножом неудобно.

— Нашел под партой, — схитрил Толя.

— Как это нашел?

— Валялся там.

— Завтра пойдешь в школу и спросишь у ребят, кто уронил.

— Желающих много найдётся на такой нож. Только спроси.

— А ты не показывай, а попроси рассказать, какие ножички потеряли. Если ответ будет правильный, тому и вернёшь.

— У Феде я видел такой, — нерешительно проговорил Толя. — Он и уронил. Я хотел вернуть, но Пичугин убежал кататься, а мне нужно Пальму проведать.

Утром, когда друзья встретились в классе, Толя подал другу ножичек.

— Под партой вчера нашёл. Не теряй.

Федя обрадовался, рассказал, что нож не его, а брата, который подозревает его в краже. На перемене Пичугин возвратил складник брату. Тот совсем не рассердился. А нож не взял, сказал, что дарит его на день рождения.

— Давай, ножичек будет у нас общий. Ты поиграешь, а потом я, — предложил Федя, считая, что если друг нашёл нож, а потом вернул, значит, это настоящий друг.

Толя не мог не согласиться с таким предложением друга.

ПРЕВРАЩЕНИЕ КЛЕТКИ

Весь день Толя Дёмин мастерил клетку. Очень хотелось, чтобы жила дома птичка. Он видел в кино, как весело пела какая-то птаха, прыгая по жердочке.

— Зачем тебе она? — спросила бабушка.

— Ухаживать за ней. Кормить.

— Не станет жить в тепле. Синицам и воробьям нравится жить свободно.

— Станет. Я её приручу, — горячился Толя, приколачивая дверцу. Клетка получилась большая, просторная, хотя немного кособокая.

Из посылочного ящика Толя сделал ловушку. Любопытная синица попала на второй день. Она бы-

ла мягкая, тёплая. Её сердце стучало так, что ему казалось, что оно вот-вот упадёт ему на ладонь. Синица не клевала пшено, не пила воду, билась о тонкие палочки. Намочила перья, опрокинула банку с кормом. Это огорчило мальчика. «Может быть, привыкнет. Немного подожду». Но птица всё пыталась выбраться на волю, а поэтому, отдохнув, вновь начинала биться о стенку клетки.

— Накрой платком, — посоветовала бабушка, увидев лицо внука.

Толя начал делать уроки. Прочитал басню, но мысли были далеко от лисы, которой захотелось винограда. «Может, привыкла, — подумал Толя, снимая платок. Синица вновь забилась. Устав, нахохлилась, раскрыла клюв. Её глазки печально блестели.

Утром мальчик ушел в школу на занятия. На уроках думал о пленнице. Жалел птичку. Расставаться не хотел. Верил, привыкнет, будет хорошо жить в тепле, не придётся искать корм. Как же так, неужели не понимает, что я хочу, как лучше.

Вернувшись из школы, Толя увидел неприглядную картину. Синица и еле держалась на лапках. Несколько перьев лежало в кормушке.

— Есть ручные попугаи, есть канарейки. Они привыкли к неволе, а ты поймал свободолюбивую птицу и хочешь, чтобы забыла о друзьях, о том, как хорошо летать. Представь себе, ты играл с ребятами, а тебя поймали и посадили в клетку. Как ты себя чувствовал?

— Плохо, — сказал Толя, беря клетку. — Бабушка я выпущу.

— Пальто надень. Куда ты?

Толя выскочил в сени. Каждая секунда для птички может казаться целым годом, — подумал мальчик, открывая дверцу.

— Где же твоя клетка? – спросила бабушка.

— Я из неё кормушку сделал. Повесил под окном. Где семечки? Нужно им насыпать. ...Птичкам

ЗА ШИШКАМИ

После уроков прошла линейка. Выступил главный лесничий Березовского леспромхоза Василий Фёдорович Комаров. Обратился к учащимся за помощью, попросил, чтобы в выходной пришли на нижний склад, где идёт раскряжевка доставленных из тайги сосен, и помогли лесникам оборвать шишки с обрубленных сучьев. Все знали, что в рабочие дни остатки на разделочных эстакадах сжигаются, чтобы не мешали работе. Лесничий сказал, что из шишек получают семена, потом вырастят саженцы, высадят на горях. А ещё сказал, что лучших сборщиков ждут ценные подарки, а за каждый килограмм шишек назначена плата.

— Давай пойдём за шишками в тайгу, но не в воскресенье, а завтра. Пока собираются, а мы денег зарабатываем, и подарки купим к восьмому марта мамам, — говорил Толя Дёмин своему другу Феде Пичугину.

— Моя мама ещё в больнице. — Проговорил грустно Федя.

— Когда её выпишут, тогда и вручишь. — До праздника месяц. — Думаешь, не обрадуется? Обрадуется. — Говорил розовощёкий крепыш Толя.

— С девчонками много не нарвёшь. Будут охать и ахать. То им подай, то им поддержи.

— Из ста килограммов можно столько получить семян сосны, что хватит засадить целую гарь. Помнишь, как лесник нам говорил, что теперь на нас только и надежда. В лесу зимой – ого.

Толя не знал, как в лесу зимой собирать сосновые шишки. По грибы ходил с бабушкой, а вот шишки – совсем другое дело. Они поважней маслят и рыжиков.

— В лесу случается всякое, — согласился Федя. — Нам надо взять фонарики. Потому что дикие звери боятся огня.

— Без фонарика нельзя, — согласился Толя, размахивая портфелем. — Хорошо бы нам ружьё достать. Да где? Отец сразу заметит. Ножик я возьму, и ты не забудь. Надо продукты.

— Варить будем? Можно мяса пожарить. Шашлык, чтобы получился.

Друзья обсуждали поход. К ним подошел первоклассник Алёшка Мухин и, глядя в глаза, проговорил:

— Меня возьмите. Я не подведу.

— Куда тебя брать? – надвинулся на него Толя.

— В тайгу. За этими, за рысями... Я с отцом на охоту ездил осенью. Я никому не скажу.

— Мы никуда не собираемся. Мы сочинение готовим, как я могу провести выходной, — сказал Федя Пичугин, нахлобучивая Алёшке шапку на глаза. Когда мальчик отстал, ребята горячо заговорили:

— Мы забыли про рысей. Они нападают на людей. В лесу рысей стало полно. Я слышал, отец разговаривал с кем-то по телефону.

— Коля, не думай. Я знаю, я читал. Охотники носят за спиной пики. Как рысь прыгнет на охотника, то обязательно наскочет на пика. Если пика острая, то её

острячком насквозь проколет. У меня есть лыжные палки, я сделаю пики, привяжу к ним верёвки, чтобы за спиной носить. Я продумал.

Друзья обсудили план экспедиции до мельчайших деталей. Разделили обязанности. Нужны им в бору множество предметов. А самое главное – это санки и мешки. В школу решили не ходить. Ругать их будут, но не очень сильно. Когда привезут три, нет — пять мешков отборных шишек, то непременно объявят на школьной линейке благодарность от лесничества.

Ещё на поселковых улицах плавала синева, из труб домов упирались в светлеющее небо серые столбы дымов, а друзья шагали к сосновой гриве за взлетной полосой аэродрома. За спинами у них лыжные палки. Федя поторопился, и не отпилил шляпки гвоздей, но это сущие пустяки. Ребята надели лыжи и вошли в сумрачный лес.

— Привезём шишек полные мешки, мечтательно рассуждал Федя. — Никто не скажет, что мы с тобой не активные.

— Мы первые будем. Заработаем денег на подарки, поможем лесникам. На эстакаде что там наберёшь? Там сучки в кучах. Попробуй, разгреби.

— Конечно, там будет вся школа. Не подступишься. — Осматривал сосны Федя. — Ты помнишь, как договорились?

— Свистеть три раза, если появится рысь или медведь. — Ответил Толя. — Я не забыл. Давай санки оставим, а мешок возьмём.

Сумрачный бор встретил мальчиков настороженно. Куски снега спрятали все шишки. Ребята продирались сквозь заросли сосёнок. То и дело им на го-

ловы падали снежные комья. Толя споткнулся и упал. Лыжи переплелись. Только с помощью товарища удалось встать. На полянке решили передохнуть. Достали припасы, выложили на расстеленный мешок, сели на ведра.

— Тут шишек мало, — сказал Толя, жуя котлету.

— Нужно подальше зайти. — Предложил Федя, разрезая пирог на две части. Вдруг лицо его напряглось, а глаза замерли, рассматривая что-то в конце поляны. Толя обернулся и увидел что-то серое. Оно двигалось.

— Рысь, — прошептал Федя, потянувшись за пикой.

Мальчика выбежали на дорогу. Посмотрели друг на друга.

— Чуть не догнала, — сказал Толя, оглядываясь.

— По деревьям скакала. Жалко, что ведра оставили.

— И мешок, — вздохнул Толя. — Точно попадёт. А мы никому не скажем. Правда?

— Я — скажу, что мешок... А это кто такой?

К мальчикам выбежал серый щенок, волоча в зубах мешок.

— Это он рысь прогнал! — Толя рассмеялся. Мальчики гладили щенка и угощали остатками припасов. Неожиданно подошел мужчина. У него на шапке ребята увидели скрещенные веточки дуба и берёзы. Они узнали его. Это он приходил в школу и рассказывал о том, что сосновые шишки помогут вырастить новые леса.

— Отчего же вы так кричали?

— Мы думали, что рысь, — потупившись, сказал Федя, но, увидев в руках лесничего ведра, приободрился.

— Рыси сюда не заходят. Правда, Дружок? — сказал лесничий Комаров.

Щенок ничего не сказал, а только вилял хвостиком. Мальчики окончательно развеселились.

— Не унывайте. Было бы хуже, если бы вы хищника приняли за собаку. Я вам покажу отличное место. Будем вместе шишки заготавливать. Поторапливайтесь, вам нужно успеть ещё и в школу на уроки. ...Пропускать занятия не стоит.

СОСНА

Сейчас, когда вижу плывущие по реке плоты, брожу в зарослях сосняка, мне вспоминается та сосна

Если бы вы её видели! Представьте огромное поле зелёной пшеницы. Оно упирается синеватым концом в линию горизонта, за вашей спиной взбирается на небольшие пригорки вытянувшееся вдоль бора село, а слева размахивает «руками» ветряная мельница, впереди растёт чудо – огромная сосна. Она ввернулась мощными ветвями в умытое коротким дождём небо и, кажется, оно держится, навалившись грудью на мужественную вершину. А если подойти поближе, можно увидеть на иголках, шарики дождинок. Они переливаются под солнцем. Смотришь на всё это, и сил нет оторвать взгляд, сделать шаг.

Я часто вижу во снах это высокое сильное дерево. Оно приходит ко мне и рассказывает о злых алтай-

ских суховеях, о том, как трудно ему стоять в одиночестве вдалеке от других деревьев соснового бора.

Сосна. Я помню её морщинистую кору, серые узловатые корни. Рассказывали, что у сосны командир партизанской армии Ефим Мамонтов расстрелял предателей, потом белые повесили на сосне партизанского разведчика.

Из деревни сосна едва просматривалась. Однажды соседский парень попросил осмотреть с крыши окрестности села. У них потерялся телёнок. Он дал мне бинокль. «Сосна, — сказал я, — телят не видно».

Хотели пить. Казалось, вот сейчас мы дойдём до неё. Но сосна дразнила нас, как бы отступая в степь. И всё же мы дошли. Сергей предложил закопать под сосной бутылку, написав записку с клятвой на вечную дружбу. Мы уговорились, кто совершит большое дело, должен написать о нём и опустить в бутылку. Через пятьдесят лет мы встретимся и прочитаем.

Годы шли как бабушкины гуси. Большого и заметного дела не подвораживалось. Работал учителем. Сергей писал письма редко, но звонил под Новый год. Его переводили из одного леспромхоза в другой. Однажды не позвонил. Это насторожило.

В тот год поехал с Алёнкой в село, где прошло детство. Автобус мчался по асфальтированному шоссе. Огромные опоры линий электропередачи шагали по полям. На фоне гигантов сосна выглядела старым деревом с расщепленной вершиной. С трудом нашли бутылку, сели в тени. Плыли облака. Пенный след самолёта разрезал небо на две половинки. В траве у обочины полевой дороги стрекотали кузнечики, а в глубине неба висели жаворонки, пускали до земли серебряные нити трелей. Семилетняя Алёнка смотрела на шифер-

ные крыши домов деревни, на зелень садов и пики телевизионных антенн. Ветряка не было, как не было и соломенных крыш.

Стал думать, как разбить бутылку и добыть нашу клятву и е стать маленьким и очень свободным. Алёнка нашла высохший стебель полыни, и мы без особого труда вытащили свёрнутые листки. На одном прочитал: «Сергей Покатило погиб на пожаре, спасая людей, окружённых огнём...». Вот почему не позвонил школьный друг. Показалось мне поле узким, линии лесополос невзрачными и сам показался себе не очень хорошим человеком – слишком мало знал о товарище.

Положил я листки в карман и пошли мы с дочерью по краю поля в деревню, чтобы узнать, что нам делать дальше.

ПРОХОДНЯ

Степан тихо встал с кровати. Ориентируясь по фиолетовому свету из окон, пошел на кухню. Неожиданно из детской комнаты послышался шепот:

— Папа, ты обещал. Если не получу за четверть ни одной тройки, возьмёшь на рыбалку.

— Возьму. Сегодня зимно.

— Ты говорил, что сильный мороз тогда, когда стены трещат, а сегодня не трещали?

— Не слышал. Одевайся теплее. Мать не разбуди.

— Я – быстро, — пискнул Слава, надевая брюки.

Когда пришли на озеро, солнце уже поднялось над тайгой. Степан оглядел спины рыбаков, подставленные студёному ветерку, торопливо зашагал к своему месту напротив кривой берёзы. Озеро огромно, у

каждого любителя подлёдного лова своё место, огороженное комками снега, кусками льда, в лунках могли стоять жерлицы. Считалось подлостью рыбачить из чужой лунки, ведь хозяин прикармливал окуней особенной привадой.

— Думал не придёшь,— сказал Иван Скадин, усаживаясь на деревянный сундучок с полозьями, когда обменялись рукопожатиями.

— С рыбаком подзадержались,— как можно непринуждённой сказал Степан. Не объяснять же, что с трудом нашли третьи брюки Славе, а жена, притворившись спящей, не шевельнулась, даже тогда когда они наливали в термос чай. Одному Степану ничего не нужно. Он привык довольствоваться малым. Слава шел позади отца, не задавая вопросов, а их скопилось у него много, и каждый – требовал ответа. Никодимов вынул ледобур из чехла, просверлил лунку для мальчика, принялся восстанавливать стенку из снега. Сын уверенно готовил снасти, достал прикорм, насадил на крючок червя, а коробочку с наживкой спрятал под пальто, подпоясанное солдатским ремнём. Как только Никодимов возвёл защиту от ветра, стало тихо. Солнце поднималось всё выше, а температура понижалась.

— Папа, можно зимними блёснами летом рыбачить? – не выдержал мальчик.

— Можно, хотя и не совсем удобно,— ответил Степан, подновляя старую лунку. Слава старательно блеснил, заглядывая в круглое оконце, но у него никто не ловился. Даже не было ни одной поклёвки. Отец вытащил двух больших окуней. Они парили на снегу, словно выброшенные из костра головни. Слава не замечал, как над тайгой вспухал оранжевый шар, но почувствовал, что ноги начали слегка замерзать. Он по-

топтался на месте, тоскливо посмотрел на увлеченного отца, на окуней, сел на раскладной стульчик и сменил наживку. Без результата. Он бросил в лунку несколько мормышей из фанерного ящичка. Кто-то слабо зацепился за крючок, но рыба сошла. У отца тоже перестало клевать.

— Ты знаешь, почему у нас не берёт?

— Почему? – выдохнул мальчик клубок пара.

— Мы, брат, поторопились с тобой. Проходню забыли. Вот досада, забодай её комар. – Проговорил Никодимов озабоченно.

— Ты скажи, где она? Я хоть на шифоньер залезу.

— Это, сын, долго. Пока ты в посёлок сходишь, пока обратно, это сколько времени уйдёт.

— Может быть, у кого-нибудь есть? Я спрошу.— Предложил мальчик.

— Это верно. Сходи к дяде Ивану. Если не нужна, пусть на часок даст. Я ему в прошлое воскресенье давал.

Из-за меня,— подумал мальчик,— отец заторопился. В другой раз я ему напому. Большой, а забывчивый. Слава бежал по сухому шуршащему снегу, смотрел на красноватый шар и думал разные мысли. Около Скадина приличная кучка рыбы.

— Дявань, проходня не нужна больше? Дайте папе,— быстро проговорил мальчик, перебарывая стеснение. Скадин ответил не сразу. Опустив голову, заглядывал в лунку, будто увидел невесть что интересное. Наверно, ему жалко, раз молчит. Папа не жадовал.

— Берёзкину отдал,— раздражённо сказал Скадин, показывая в дальний конец озера. Ближних рыбаков Славик ещё мог узнать, а дальние— выглядели

чёрными запятыми на белом сверкающем снегу. – Не туда смотришь. Второй слева от берега.

— Когда он приходил? – удивился мальчик. – Я никого не видел. К вам никто не подходил.

— Вас с батькой ещё не было, когда он примчался на рысях. Давай клянчить. Пришлось отдать.

Слава сначала шел, потом побежал. Хотел побыстрей принести отцу инструмент и помочь ловить рыбу. Не задерживаясь, здоровался с рыбаками, оглядывал трофеи. «Ничего,— успокаивал себя,— принесу проходню, наловим рыбы полный чемоданчик и рюкзак. Мама должна обрадоваться, она заведёт тесто, а они начистят рыбу для пирога. Придут бабушка с дедом, станут хвалить рыбаков и есть ароматный пирог. Он будет сидеть в зале, рисовать корабли и самолёты и гордиться собой, что не испугался такого мороза.

Небритый Берёзкин сидел на самодельном стульчике. Был не таким весёлым и добрым, когда прошлой осенью прокатил его и Толика Пичугина на комбайне «Енисей» до самого поля, где они ловили сусликов. Перед Берёзкиным лежало много мелких окуней, и даже щучка, похожая на палку. Узнав с чем пожаловал Слава, дядька оживился, ловко счистил с леды наросты лёд и, широко улыбаясь щербатым ртом, сказал с огорчением и досадой.

— Раньше-то чего. Отдал, ёшкин свет. Знал бы, что твоему отцу понадобится, так придержал. Пришёл,— морда кислая – дай, да дай. У отца не клюёт? Плохо берёт?

— Совсем не берёт,— упавшим голосом проговорил Славик. Берёзкин вздохнул, полез в карман, вынул блестящий портсигар с тремя богатырями.

— Давай покурим.

— Нет. Мне рано ещё. Кому отдали? ...Ну, проходню. — мальчик посмотрел в сторону, где едва заметно сидел отец.

— Я разве не сказал? Бежи до кума, — указал Берёзкин на высокую фигуру в тулупе. Этого Кума не любил и побаивался. Однажды с ребятами Слава прицепился к его саням крючком. Хотел прокатиться. Кум погрозил кнутом. Мальчишки успели отцепить крючки, а Слава не успел. Щеку ожгло, а губа занемела. Мальчишки постарше стали ругать Кума, обзывая всякими словами. Потом Славе прикладывали снег к щеке и сказали, что придумали мечь. Никто из скотников никогда не хлестал мальчишек кнутами, когда они шли в школу или из школы— всегда разрешали забраться в сани или прицепить санки.

Однажды кум ехал на возу с соломой. Взрослые мальчишки подожгли тряпку и сунули под верёвку, которая держала бастрик. Когда показался белый дым, обрадовались— «будет теперь знать, как бичом махать». Слава весь вечер ждал прихода участкового милиционера, но тот не пришел, а Кум больше не бил никого плетёным кнутом. Не бил, потому что к нему никто не стал прицепляться.

Слава подбежал к жестокому человеку. Перебарывая страх, спросил о проходне, полагая, что бич он не взял на озеро.

— Опоздал, хлопчик.— Нараспев говорил вообщем-то не страшный этот Кум. — Знатьё — придержал. Не ловится у тятки?

— Нет,— мотнул головой Слава, стоя неподалёку.

— Не держи на меня обиду. Я, любя, поучил, чтоб ты не лез к саням, не попал под полоз. Я такой же был. Мы также в зацеплялки играли. На раскате санями мне

придавило ногу так, что захрустели косточки, и долго я ходил с батожками. Так-то. Игра эта может привести к больнице и к гипсу. Ты хочешь, чтоб без ноги остаться? Вот и я не хочу, чтобы мальчишкам ноги санями переезжало. Проходню я отдал Анисиму. Поди, ему не трэба. Поспешай. Знаешь дядьку Анисима?

Анисима знал. За глаза в деревне звали Февралём, а жену — Февралиха. Анисим умел строить аэросани и ездил, на дальние озёра, где, по его словам, много прожорливых щук. Иногда дядя Февраль разрешал им посидеть в кабине аэросаней, а случалось, и катал. Но случалось это тогда, когда в колхозе давали получку. Аэросани громко трещали двигателем, а собаки почему-то злились и бросались на лыжи.

«Знал бы, что у него, так сразу и спросил,— думал мальчик, отыскивая глазами фигуру отца. — А то ведь три раза мимо пробежал». Анисим Бабкин тоже встретил его без радости и восторга, хотя он дружил с его сыном в первом классе, а потом их определили в разные школы. Они с Виталиком стали видеться редко. Мужчина сбросил на лёд рукавицы — тянул большого окуня. Слава тоже снял варежки. Руки у него горели, щеки покраснелись, а ногам стало тесно в валенках от нестерпимой жары. Он отошел в сторону, чтобы не мешать. Терпеливо ждал, когда окунище окажется на льду.

— Беги к дедушке Макару. Он старый, но хитрый.- Говорил Бабкин, рассматривая добычу. Слава немного обрадовался за Виталькиного отца, но и сожалел, что еще никогда не ловил таких огромных рыб. Ему попадали на удочку чебаки, пескари; щучат, ловил в речке Чачанге петлём. Он вырастет и научится добывать большую рыбу. Отец однажды принёс пять ог-

ромных налимов. Они лежали на столе, как поленья, но мама не хотела печь из них пироги, не стала варить и уху. Они с отцом сами испекли пирог. Получилось не хуже, чем у мамы. Даже бабушке пирог понравился. Почему, размышлял Слава, вытирая под шапкой вспотевший лоб. — Из сорожек мама пекла пироги и котлеты стряпала из щук, а вот из налимов ничего не хочет делать. Даже пирог не попробовала. Почему? Слава бежал обратно. Недалеко от Берёзкина видел дедушку, но пробежал мимо, не заметив у него никакой проходни.

— Дедушка! — по слогам говорил мальчик, помня, что старик плохо слышит. — Проходню дайте папе.

Дед Макар молчал, но внимательно смотрел на Славу, припоминая кому он доводится сыном, кому внуком. В выцветших когда-то голубых глазах были доброта и участливое внимание. «Даст,— подумал Слава.— Хоть бы дал скорей. Отец сколько времени ждёт, а я всё ищу эту замечательную штуку, которая помогает ловить рыбу. У дедушки большая щука и много окуньков. Значит, проходня у него. Но где она? Может быть, он её в кармане держит? Они бы тоже смогли принести такую рыбищу, и мама тогда не ругалась на папу, что он попусту время проводит в компании неинтеллигентных субъектов.

— Говори шире, внучок. С гражданской оглох. Мы пушку сделали деревянную. После третьего выстрела её разнесло в локуты. Пороху лишку засыпали. У партизан, какие оружия. Трещотки вместо пулемётов. На поуди. Рука у тебя лёгкая. Курну маненько,— сказал старик, вставая с детских санок. Слава слышал, как хрустели стариковские суставы, как зажглась спич-

ка. Запахло махоркой. Не отводя глаз от лунки, старательно блеснил.

— Дедушка, папа заждался меня. С утра бегаю. У него рыба мало клюёт. Дайте мне скорей проходню, и я побегу. Потом верну. Честное слово.

— Погоди, паря, не свиристи, – мотнул головой дед. – Погодь, поговори с дедой, а я с тобой. Ты только не позабудь меня старого. Запомни. Всё запомни. Небо, берега, берёзку в инее. Видишь, солнышки. Их сегодня три. Одно – лишь настоящее, а два пасолнцы. Так их зовут. Они ложные. Ложь всегда с правдой обретается. Бывает ложь во спасение. Как бы вынужденная или нечаянная. Не хочешь врать, а соврёшь. Иначе не можно прожить на белом свете.

— Я никогда не обманываю. Всегда говорю правду.

— Хороший ты человек начинаешься. Таким и расти. Но трудно тебе будет. Хорошему человеку всегда трудно. На германском фронте в первую мировую войну мне крестьянскому парню офицерское звание дали. Гордился этим. Георгиевский крест и две медали за храбрость у меня были. В армии Александра Васильевича Колчака за порядок воевал со своими же крестьянами на Восточном фронте. Стал думать и понял, что надо за новую жизнь драться. Перешел к красным. Командовал ротой. Орден Красного Знамени вручили мне. Под Иркутском приказали расстрелять пленных офицеров и солдат, которые сдались. Опять я подумал, что это несправедливо. Отказался, а меня и разжаловали, отобрали орден. Отправили на исправление. На другой войне ранило меня, и отправили домой. Поставили колхозом командовать. Голодно жили люди, выдал я на трудодни вдовухам просо, чтобы детям ка-

шу варить, чтобы не умирали рано они. Подумал, пусть меня одного сегодня накажут, чем другие будут голодом болеть и умирать. Кто-то сообщил о моём поступке. Приехали и арестовали. Судили недолго. Зато срок дали долгий. Отправили сюда лес заготавливать. Так вот и прожил свои годочки. Всё вроде сделал, что мог, вот и жить устал...

Слава почувствовал неожиданный рывок, и потерялся.

— Дедушка, кто-то рвётся!

— Коли рвётся, так и, тягая помалу,— произнёс равнодушно дед, вытирая нос.

— Но я же не умею! – взмолился мальчик. – Оборвётся.

— Ты не суетись, коли хочешь чего достичь. Не беги за всеми вслед.

Спина у мальчика занемела, а руки вдруг устали, но он тянул лесу, на конце которой кто-то отчаянно сопротивлялся, пытаясь уйти под санки.

— Дедушка, помоги! – попросил мальчик.

— Ты свою рыбу должен поймать сам. Упустишь – сам. Поймаешь – сам. Надейся на себя. Некого будет корить, не на кого будет вину перекладывать. Ослабь. Пусть погуляет. Лунка у меня большая. Тихо подводи...

Большой окунь с широкими полосами парил на снегу, словно разогретый кусок металла. Мальчик смотрел на большую рыбу и радостно улыбался. Таких окуней и отец не приносил с рыбалки.

— Улыбку спрятай, паря, чему тут радоваться. Поймал и поймал. На то мы и пришли сюда. Раз ты пищу добываешь, значит, серьёзный человек.

— Где же она? – встрепенулся Слава.

— Не свиристи, как перепел. Всё узнаешь. Здесь она. И нет её,— словно собираясь с мыслями, дед снял шапку с кожаным верхом, пригладил короткие желтые волосы.

— Как нет? Она папе нужна.

— Проходня – это то, что ты делал. Ты ходил и грелся. Это ложь во спасение. Ты сам себя согрел. Люди придумали, чтобы на рыбалке такие пареньки не ушли домой в слезах, испугавшись холода, а настырно добивались своей цели, общались, учились, превозмогали свою лень,

«Обманывали, все обманщики. Из глаз мальчика выступили слезины. Они задрожали, запереливались, исказив очертания берега, сидящих и стоящих рыбаков. Он сдерживал их, но обида на отца была так велика, что они выскользнули и упали в снег.

— Не горуй. Никто не хотел тебе плохого. Не держи сердца на отца. Ты же согрелся, поймал настоящую рыбу.

— Лучше бы я замёрз, чем так. Стал ледышкой,— обида на отца выросла болью в маленькой душе. Она не проходила, разрастаясь. Он бы никогда так не стал поступать. Не обманывал своего сына, посылая к чужим людям за несуществующей проходней.

— Вот ты, какой серьёзный! Отец не рассмотрел тебя,— протянул дед, вздыхая.— Ты считаешь, что нельзя обманывать человека, даже спасая его? ...Ты прав. Обман – всегда обман. Ложь рождает ложь. Я не думал.

— Я ему скажу, если он станет мёрзнуть, чтобы сверлил лунки, чтобы набрал сучьев и сделал костёр. Я бы помог ему согреться, а не стал обманывать.

— Ты знаешь, что твой дед бегал за проходней? Не знал. И я бегал. Это такая проверка будущего рыбака. Если не расхныкался, значит быть тебе настоящим рыбаком.

Слава представил своего деда, бегущего по озеру и немного развеселился. Улыбнулся и старик в бороду, вероятно подумав, что много еще обманов встанут на пути мальчика. Обманет друг, обманет любимая. Станут обманывать нечаянно, с умыслом, себе в пользу и в радость. Сам станет обманывать полегоньку родителей, чтоб не волновались, чтобы не огорчались. Будет лгать, говоря комплименты знакомой женщине. Будет обманывать начальников и подчиненных, и находить себе оправдания. Таков мир отношений.

— И я бегал. А то как? Два кружка сделал. Братья не хотели брать, но я настоял. Не обиделся на них. Не бегают те, кто на печи лежит и боится носа на улицу показать. Забирай свою рыбу. Скажи отцу, пусть костер разводит. Будем артельную уху варить. Сегодня его очередь. Погодь меня. Вместе пойдём.

Рыбаки давали Славе и деду Макару по две рыбины, шутили и восхищались окунем.

— Моему парню скоро тринадцать, а на рыбалку конфетами не заманить,— говорил Берёзкин.

— Сам вытащил? — удивился Кум.— Дедуня, по-ди, подмог?

— Только на проходню такие ловятся,— серьёзно проговорил Анисим.

Слава молчал. Обида на отца ушла, затупилась. Светило заходящее солнце, похожее на блесну. Он уже не был тем мальчуганом, что ступал за отцом на припорошенный лёд озера утром рано. С каждой минутой

он удалялся от того мальчика, с которым уже никогда не встретится.

«СЕРАЯ ШЕЙКА»

Слава шёл по большому полю, и ему очень хотелось пить. Шёл он долго, а поле не кончалось. Это было удивительное поле – без единой травинки, ровное-преровное, даже сусликов и тех не видно. Сколько бы мальчик не вглядывался в серую глубину, так и не увидел самой плохонькой, заваливающей выбоинки. Брёл из последних сил,— ему очень нужно добраться до конца и увидеть, что же там, за этим неинтересным полем, ведь не могло же небо прирасти к скучной и слабой земле. Славик старался не думать о воде, но она где-то недалеко булькала и шумела, будто за спиной, будто рядом протекает речка Чачанга.

Слава проснулся, но не совсем, а так, немножко, проснулся и удивился: «Чего это меня не будят, так я в школу опоздаю». В комнате стоял ночной полумрак, хотя из кухни через щель между плотными порттьерами пробивался небольшой мягкий лоскут света, проскакивали всяческие звуки. Слава догадался: «Сегодня выходной, как это я забыл».

Вот зашуршала выливаемая в бачок вода, звякнула дужка ведра. «Это папа!» «Тише, стучи. Разбудишь,— Это мама». Мальчик хотел крикнуть:

— Я не сплю! – неожиданно передумал, потому как проснулся ещё не совсем и можно немного поспать, потому что в школу не идти и нужно посмотреть на одинокое поле, на котором ничего нет. А вдруг выросли высокие деревья сосны, как в той деревне Его-

ровке, куда они ездили с папой. Мальчик попытался заснуть и не смог. «Вот если бы в школу, тогда бы быстро уснул, а сейчас не может никак».

— Тебе помочь?

— Я сама. Ты ещё в муке не вошкался.

— А чего? Помнишь, как мы в первый год ели на подоконнике, вместе всё делали.

— Над тобой мужики и подшучивали.

— Тебе помогал. Разве плохо?

— Чего хорошего. Мужик стирает, а жена газету почитывает на диване.

— Ты же никогда не сидела с газетой. Помнишь, как белили первый раз свою квартиру?

— Пока сама не научилась. Вас в армии учили, а нас в институте не учили.

По шлепкам, доносившимся из кухни, Слава понял – мама готовит тесто, а значит, будут пирожки или пельмени. Откинув одеяло, опустил ноги на холодный коврик, отыскал домашнюю одежду. Мальчик вошел в кухню и зажмурился от яркого света. Пахло горячей известью – мама вчера побелила печь и замазала трещинки на обогреватели, появившиеся после Нового года, так как она много варила холодца и все каникулы стояли клящие морозы – так говорил на озере дедушка Макар.

— Как, сынок, спалось? – спросила мама, сминая на столе кусок жёлтоватого теста. В большой эмалированной миске, на краешке которой небольшая щербинка, горкой – фарш. Щербина появилась весной. Он ещё и в школу не начинал ходить. Слава хотел сделать маме подарок: решил просверлить край миски, чтобы мама могла её вешать на гвоздь за печкой. Папа всё собирался, но у него не было времени, так как поздно

приезжал из леса, где работал на трелёвочном тракторе. Сверлить было страшно трудно. Чашка не хотела лежать на боку. Поэтому пришлось её загнать под кухонный стол. Слава устал, ободрал сверлом палец, и он уже бы просверлил, и совсем оставалось мало, но пришла мама. Она схватила мальчика на руки, швырнула дрель в сени, а на палец намотала большой кусок бинта, облив его весь вонючей «зелёнкой». Пришёл папа. Они долго ругались. Слава заступался за папу, говоря, что это он сам нашёл инструмент в кладовой, а папа его не разбрасывал по дому». Мама не хотела слышать его, продолжая кричать и плакать. Теперь он знает, как трудно делать подарки маме.

Разобранная мясорубка лежит на постеленном полотенце и сохнет. Славе всегда хочется покрутить белую ручку, последить, как «всёвремяубегающий» винт захватывает куски мяса, жуёт их и выдавливает в круглые дырочки шевелящихся червячков, которые слипаются вместе и смешиваются. Папа сидит на низкой скамеечке перед печью и пускает дым изо рта в поддувало, смотрит на Славика и улыбается. Мама раскатывает тесто в плоский тонкий блин и тоже улыбается. Никто никуда не торопится, все дома, и от этого ему светло и празднично. Только он собрался подойти к умывальнику, как мама взяла и сказала:

— Сынок, умывайся, я сейчас быстренько слеплю тебе пельмешков,— а сама стала наливать воду из чайника, который начал стучать крышкой и пускать пар из носика. «Я и сам знаю, что нужно сначала умыться. Был бы маленький, а то ведь на рыбалке не зря за проходней бегал. А почему только мне мама слепит?»

— А папе?

— Ну, конечно!.. и папе твоему... Мы – потом.

— Я – один не буду, я – все вместе.

— Не капризничай. Мама говорит, нада слушаться. У тебя, наверное, температура. Вчера весь в снегу пришел.

«Хотя и пельмени, а одному есть не вкусно»— подумал Слава и предложил:

— Мама, давай мы тоже будем слепливать. Быстрей же.

— Весь в отца. Что он, что ты любите с мясом возиться. Без вас управлюсь, горе-помощники.

— Мы ничего не насорим. Мама? Мы – аккуратно. Совсем ничего не испортим, правда, папа?

— Конечно,— согласился Степан, забрасывая окурок в малиновый зев поддувала.

— Я сказала, значит, нет. Вы мне мешать только будете. Иди, поиграй или почитай. Каникулы заканчиваются, а ты книжку в руки не брал,- настаивала Анна.

— Мы плакать не станем,— весело проговорил Никодимов старший. – Мы сейчас дровец принесём.

— Один сходишь. Нечего ребёнка морозить. Он не прислуга тебе.

— Ты чего, Аня? Он не девчачьей породы

На улице ещё не растаял фиолетовый сумрак, он цепляется за ограды и сугробы, прячется среди берёзок, стоящих у занесённого снегом памятника вождя пролетарской революции. Слава смотрит на освещённые окна своей школы, ему кажется, что в посёлок заплыл большой теплоход. Он догадался, что это старшеклассники убирают ёлку. От почты доносится скрип санных полозьев. Вот фыркнула лошадь, за посёлком, в стороне разделочных эстакад на берегу речки Чачанги пулемётной очередью застрочил тракторный пусковой двигатель. Ночь прошла, а день ещё не начался. Озяб-

шие редкие звёзды медленно тают. Слава смотрит на них и ему кажется, они тихонько, позванивают, позванивают, будто колокольчики с отцовских закидушек, но только ещё поменьше.

— Пап, слышишь?

— Что?

— Звенят. Там,— Слава смотрит в небо.

— Где?

— Там. Они тихонько дзинькают. ...А мне слышно.

Несколько секунд отец и сын внимательно рассматривают небесное полотно.

— Ну, где вы запропалились?! – раздаётся громкий обиженный голос из сеней.

— Мама,— как-то виновато проговорил мальчик, беря холодные поленья. Слава чувствует, что они, отвердев на морозе, стали тяжелыми, хотя летом, когда складывал их в поленницу, казались лёгкими.

— Так я и знала! Ребёнок без рукавиц, а ты не видишь, как он простывает. Не тебе же за ним ухаживать. Говорили мне, говорили. Не послушалась.

— Вышли на секундочку. Ничего ему не будет.

— Тебе всегда «ничего», а он болезненный. Только краснухой переболел.

— Когда это было? Два года назад.

— Хоть десять лет. Твоя забота мне всегда боком выходит. Тебе ничего не докажешь. Твердолобый, как вся твоя не родная родня. Особо мамаша. Приёмная.

Никодимов начал ремонтировать старую электробритву. Слава занялся конструктором, собирая трактор.

— Папа, ты так и не услышал, как они зинькают?

— Не успел.

— А я слышал. Так тихо, как ёлочные шарики.

Несколько секунд Никодимовы занимались важными делами.

— Знаешь, чем дрова пахнут?

— Деревом. Скипидаром, может быть, пахнут.

— Так нет. Они отогрелись и запахи. Даже здесь слышно. За столом.

— Правда. — Оживился Степан, и его обветренное лицо осветила улыбка. — Берёзовой корой пахнет.

— Вот и нет. Не угадал, папочка. Ты не понял. Знаешь чем? — Слава поднял голову и посмотрел в светло-карие глаза отца. — Они пахнут... летом.

— Да. Ну и выдумщик ты у меня.

— Не веришь? Думаешь, обманываю? Когда ты пилил их, во дворе так пахло всё лето. Я же помню. — Мальчик посмотрел в сторону своей кровати. Принялся наводить порядок, расправляя одеяло. Упал стул.

— Не видишь, что ребёнок надрывается? Одеяло тяжелое.

— Он у нас самостоятельный. Заправляет кровать. Что тут такого. В армии няnek не будет.

— Я его не пушу, ни в какую армию. Он окончит институт, как я. Будет иметь нормальную человеческую работу.

Слава, видя, как мама взбивает подушки, расстроенный сел за стол и начал смотреть в окно. За тюлевыми занавесками кое-как просматривались берёзки в сквере и здание школы, в которой окна уже не светились ярко и призывно. Слава вспомнил, что нужно прочитать рассказ «Серая Шейка». Он отыскал учебник, нашел нужную страницу. Некоторое время мальчик читал. Но вот лицо его стало хмурым и недовольным. Степан почистил коллектор ваткой, смоченной

одеколоном, перевернул изношенные щётки. Бритва молчала. Тогда он решил проверить провод. Он приладил к выключателю карманного фонарика два проводка. Сложил их концами. Лампочка засветилась. Стал проверять провод. Так и есть. От частого перегибания тонкие проволочки переломились. Степан хотел удалить кусок провода, но обратился мальчик.

— Папа, почитай мне. ...Что-то слова стали спотыкиваться. — Степан взял книгу, прочитал заголовок. — Хороший рассказ. Когда-то мне бабушка читала. — Степан раскрыл книжный шкаф, вынул книгу в зелёном переплёте. Слава увидел цифру «6» на корешке. Заметив удивлённые глаза сына, Никодимов пояснил:

— В учебниках печатают произведения, сокращая их, думая, что дети не поймут написанного. А мы будем читать рассказ Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка без сокращений. Пельмени без мяса тоже можно делать, но это уже другое блюдо.

— Смешная фамилия. Он специально придумал, чтобы весело было?

— Бывает, что писатели берут себе разные фамилии. Он себе прибавил лишь слово «Сибиряк». Чтобы его не путали с другими писателями. Его папа работал в церкви.

Слава внимательно слушал отца. Казалось, его глаза смотрят далеко и, вероятно, видят утиную стаю, берег каменистой речки. Чем дальше читает отец, тем больше грустнеет лицо Славы. И вот оно стало совсем печальным. Мальчик сжался, словно ему стало холодно.

— Папа, а она не замёрзнет? — спрашивает мальчик дрожащим голосом. Мягкий комок застрял у него в горле. Он не проглатывается, а давит, давит.

— Нет. Не замёрзнет, – отвечает Степан, продолжая читать:— «Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаянья. Она старалась казаться весёлой и плакала потихоньку ото всех. Ах, как ей было жаль милой, бедненькой Серой Шейки... Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит».

Через несколько минут Слава, сдерживая при-
близившиеся слёзы, тихо спрашивает:

— Папа, а лиса? она не съест?

— Не расстраивайся. Никто её не съест.

Мальчик не может сдержать рвущихся рыданий. Плачет громко, вытирая рукавом рубашки слёзы.

— Что ты сделал с ребёнком? – врывается в зал разъярённая Анна. Выхватив книгу, швыряет в дверной проём, в кухню.

— Рассказ читаем.

— Довёл ребёнка своими дурацкими книжками. Сколько мук я с тобой приняла? Сколько нервов моих вымотал? За что теперь издеваешься над ребёнком. Он-то в чём виноват перед тобой? Изверг!

Проходит некоторое время. Мальчик поднимает книгу, ищет нужную страницу. Анна обнимает сына, целует, будто бы он спасён из-под горного обвала. Уводит в кухню, что-то ласково приговаривая. Слава подходит к отцу, разламывает конфету. Никодимов отказывается, говоря, что зубы не позволяют сладкое жевать. Степан не может понять, почему жена охраняет мальчика от него? Постоянно, боится оставить без своей опеки? «Он-то в чём виноват перед тобой? А кто виноват? Мальчик не виноват. Кто из нас, и в чём виноват? Она, выходит, в чём-то виновата? А в чём?»

Степан проходил службу на Каспийской флотилии. Аня Корлакова школу заканчивала. Познакомились по переписке. Получил отпуск, приехал к Ане в таёжный посёлок. Встретила его очаровательная девушка. Белыми ночами бродили по берегу Чачанги, вдыхая запахи цветущей черемухи и дыма костров нижнего склада – так называли место распиловки на брёвна, привезённых из тайги сосновых и кедровых стволов. Аня поступила в Томский педагогический институт. Они переписывались три года. Степан приехал к ней в общежитие после увольнения в запас. Хотел снять форму, но Аня не разрешила. На госэкзамены ходили вместе. Возвратились в таёжный посёлок вдвоём. Некоторое время жили с родителями Анны.

Никодимов начал строить дом. В Ингузетском леспромхозе не хватало водителей, его послали на курсы шоферов в райцентр. Дали старый МАЗ. Степан больше стоял на ремонте, чем вывозил лес. Заработки пошли, когда ушёл в бригаду. Сначала рубил сучья, чокеровал хлысты, затем освоился с бензопилой, валил деревья. Вечером посещал курсы трактористов. По настоянию Анны, работавшей учительницей начальных классов, поступил в Красноярский лесотехнологический институт, но учиться не смог. Много времени отнимал дом, а потом родился малыш. Назвали его Слава. Вячеслав.

— Говорили мне, чтобы не выходила за тебя! Родную маму не послушала. Ох, дура, дура. За что страдаю? За что так Бог наказывает!?

— Мама, не плачь. Не плачь, мама,— вбежал в кухню мальчик.- Если ты прослушала, папа тебе всё прочитает. Её всеравно лиса не съела.

«Чего она так ревет? Говорит, что не послушала. Сама плачет, как девчонка»,— размышляет Слава, закатывая в ложку морщинистый пельмень.

— Папа. Мама. Давайте их съедим. Они остыли уже. Мне плохо без вас. Я же не со школы пришёл, когда никого дома нет.

— Я— сынок, не хочу что-то. Ты ешь. Вот сметана, — говорит мама, вытирая глаза полотенцем. — Будем собираться.

— Бабе и деду пельменей отнесём. Я сбегаю, мама. А папа?

— Он тут пусть поживёт. Подумает. Ему надо за коровой смотреть и за поросятами.

— И за котятами,— рассмеялся Слава. — Папа, иди. Они остыли.

— Ешь. Он себе сам сварит. Как ему хочется. Хоть в молоке, хоть в сковородке пусть обжаривает. Насочиняет, и думает, что всем нравится.

— А мне нравится в молоке. Ты когда уезжала, мы всегда в молоке варили пельмени. Ты не пробовала, мама? Страшно вкусно. Папа манную кашу варил не с сахаром, не с вареньем, а с тушенкой. Папа, сделай счастливый пельмень. А Лучше три, чтобы всем досталось. Мама всегда забывает.

Анна завернула кастрюлю с пельменями в старую шаль, поставила в сумку, начала одеваться. Слава быстро обул тёплые валенки, взял сумку. Когда вышли за калитку, оглянулся и увидел у мамы чемодан и большой узел. «К бабушке так ещё не ходили. Ну, с сеткой, с сумкой, а тут с чемоданом. Где же его мама взяла? Когда одевалась, у неё ничего не было в руках. На веранде взяла. А зачем?— решил мальчик, предпо-

лагая, что мама купила какой-то подарок, когда ездила в Томск перед Новым годом. Он забеспокоился.

— Мама, а ты что на рыбалку пойдёшь с чемоданом? – спросил Слава, едва успевая за мамой. Прошли один дом, второй...- Бабушка и дед не тут живут. Надо же в переулочек, к речке. Куда же мы идём?

Что-то не так делает мама. Анна поджала нижнюю губу, шапка у неё сбилась, она стала некрасивой и чужой.

— Мама, зачем нам чемодан? Мы что, насовсем уезжаем? – загоразживая дорогу, спросил мальчик.

— Да, мой маленький. Натерпелась, хватит. Будем жить по-человечески. Нам не будет Алексей говорить: «Не бери мои носки, не ходи долго в магазин». Надоело стирать его мазутные рубахи. Он невозможный человек.

— Возможный. Какой это Алексей? – удивился мальчик. – Алексей Иванович? Учитель по труду? Мы к нему идём?

— Да, сыночек. К папе. К твоему. Настоящему.

— Я – пойду к деду. А ты иди к этому лысому. Предательница. Куда хочешь, иди, – мальчик заплакал и побежал мимо клуба, мимо магазина. Он торопился, боясь, что пельмени могут быстро остыть. «Это же настоящее предательство. Так только фашисты делали. Почему это он мне папа? С чего так решила. Пошутила? Так никто не шутит. У Юльки почему-то два отца образовалось. Один привозит подарки, и второй никогда не ругает».— Слава оглянулся. Мама шла за ним. «Точно пошутила». Радостно подумал он.

Никодимов стоял у ограды, скучно смотрел на сверкающий разными огоньками снег. У ворот снег лежал высокой кучей, напоминающей горку.

— Забыли что? – спросил Степан, беря лопату.

— Просто. Помогать буду.

Некоторое время они работали молча, разравнивая спуск, углубляя ступеньки. Степан носил воду и поливал через банный веник всю горку.

— Папа, давай сейчас пойдём в лес и посмотрим, как там наш Берендяйка живёт. – Летом Слава нашёл замысловатую корягу, которая походила на сказочного человечка. Степан удалил ножом лишнее, чтобы получились руки, ноги и голова с кривым носом. Мальчик почему-то назвал его непонятным именем. Степан повесил находку на сук. Домой её решили не брать, чтобы он не заскучал без своих братьев. Мальчик иногда вспоминал сказочного гномика. Даже на уроке рисования попытался изобразить его.

— Давай сходим, — согласился Степан, – горка наша подмерзнет, мы её ещё раз польём. А она придёт?

— Кто? – спросил мальчик.- Мама-то? Кому она будет пуговицы пришивать, да борщ варить? Бабушка борщ не очень любит. В угол она кого станет ставить? Дед не проливает краску на скатерть.

— Там ей и поругать некого будет. Начнём собираться.

— Мама наша по шутке сказала, что Алексей Иванович, который по труду, – это мой папа. Насмешила же. Какой он папа, если у него и жены не было и детей он не любит. Витьку раз линейкой по голове огрел. Пошутила?

— Конечно. Шутница. Двое брюк одевай.

— Пап, а мне сегодня сон приснился.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПРАЗДНИК

Слава Никодимов, ученик четвёртого класса, не хотя шёл по улице. Из окон падал на дорогу бодрый свет. Он лежал на спинах сугробов, как половики. Некоторые окна мигали весёлыми огоньками на ёлках. Ему слышалась ласковая музыка. В темнеющее небо из труб втыкались вертикальные тёмные и серые столбы дыма.

Грязная чужая собака, пугливо мотая хвостом, подошла и ткнулась холодным носом в руку, а потом в бумажный мешочек, который Слава нёс из двухэтажной школы. Он не успел испугаться, но окоченевшие пальцы сами разжались.

Скрипело под валенками. Эти громкие звуки поглотили бречание цепей лесовозов. Чачанга была укутана снегом. Тайга на противоположном берегу тоже была вся в серых нашлапках. На чёрных пнях и корягах шапки. Дорога на пристань не блестела. Мальчик оглянулся. Поселковые крыши спрятались за сосны. Только дымные столбы с трудом держали звёздное небо.

После первой четверти у Славы с мамой был тяжёлый разговор. В табеле оказались две тройки. Растерянно хлопал выгоревшими за лето ресницами и шумно дышал, сдерживая слёзы.

— Вот приду в класс и посмотрю, как ты занимаешься,— строго и громко говорила мама. Она не работала уже в школе. Она считала зарплату в конторе на счётах с круглыми узкими колёсиками. — Совсем разленился. Постель и ту не хочешь убирать за собой.

То мама не разрешает заправлять койку, говорит, чтобы не надрылся, а теперь обвиняет в том, что

не складывает подушки и не застилает большое одеяло. Как её понимать? Ему просто некогда утром заниматься уборкой, найти бы где носки лежат. Мама их то на батарею повесит, то на печку положит. На батарее он сразу видит, а на печку высоко заглядывать.

Слава любит маму. Вгорячах она может шлёпнуть полотенцем, поставить в угол, но не надолго. Это всё ему не страшно. Когда мама сердится и обижается, то обязательно пьёт капли из коричневого флакончика, тогда ему очень жалко её. Хочется самому заболеть, но чтобы у мамы было хорошее настроение, чтобы она включала радиолу и пела вместе с тётёй, которая всё время спрашивает – виновата она или нет, потому что дрожал у неё голос и зачем она разрешала в лунную ночь себя целовать. Странная песня,- думает всегда Слава. Папе нравятся уверенные песни. Они вместе поют о том, чтобы жила страна родная и о том, как над дорогой встаёт заря и алым светом полны моря.

Папа совсем не обиделся на его тройки, которые получились сами собой. Он даже пытался успокаивать маму, говоря, что, мол, ребёнку и тройку нельзя получить, это даже далеко и не двойка.

— Подрастёт и поймёт, что учёба – дело важное. Главное в том, что он хороший парень растёт.

Слава знает, что папа тоже получал в школе тройки и даже двойки, а вот стал отличным трактористом. Недавно он ездил с районной делегацией в Томск на слёт ударников труда и его наградили самым главным орденом. Слава вырезал из газеты папину фотокарточку и теперь хранит в столе. Когда вырастет, то непременно станет трактористом, как папа. Его в посёлке все знают и здороваются, когда они идут в баню. У них в ограде есть своя баня, но мама, когда стирала,

не вылили из бака воду. Забытая вода так сильно смогла замёрзнуть, что разорвала бак в углу. Они с папой разобрали всю печь, вынули бак и отвезли на санках в гараж, чтобы тётя Дуся заварила его электрической сваркой. Потому что лучше её никто не может заваривать баки. Но тётя сварщицкая заболела и её отвезли в Белый яр, чтобы выздороветь. А у деда баня маленькая и почему-то всегда у Славы ноги мёрзнут. Голова вся от пара и жара потеет, а ноги надо в носки прятать.

— Непедагогично,— сказала мама,— своими двойками хвастаться. Тебе всеравно кем вырастет мальчик. Он сейчас от рук отбился, а что будет завтра, через год?

Папа улыбнулся Славе и сказал тогда:

— Не отбился. Крыльцо всё у деда, как из школы идёт, от снега отчистил вчера. Задачи, как орешки щёлкает. Недавно мы пример из последнего раздела задачника решали. Можешь не верить, но Вячеслав его весь решил. Хотя он и большой и сложный. Это о чём-то говорит? Говорит. Наш сын отлично соображает. Намного лучше, чем я в его возрасте. Мы такие примеры сложные не решали даже в пятом классе. У нас была арифметика. А у него?

Мама раскрыла дневник, полистала.

— Вот двойка по математике. Куда это годится?

— Я же говорил, мама. Я забыл сделать такую штучку. Я потом сделал. Половина класса забыла.

— Всем двойки? – строго спросила мама.

— Нет. – Махнул рукой Слава. – Только мне.

— Так нельзя. Это двойка липовая. Не считается. Тем более, он забыл...

— Это непонятно что творится. Три учебных года ребёнок был круглым отличником. Ему грамоты давали и письма благодарственные. Пойду к директору Ивану Ивановича или в районо к Людмиле Семёновне поеду. Министру просвещения напишу!

Папа рассмеялся и сказал: «Министр ты наш без портфеля». Мама быстро обиделась и ушла в зал.

— Сынок, не переживай из-за пустяков. Всё это муть болотная.

— Лариса Васильевна меня посадила с Нинкой. Она меня отвлекает. Ей – ничего, а мне замечание. Потом ещё и оценки снижает.

-Ты не ходишь на собрание родительские, не знаешь, как детей воспитывать. В дневнике не расписался, а ребёнка послали домой. Из-за твоей недисциплинированности. Ему пришлось по посёлку в мороз ко мне бежать. Не к тебе же на верхний склад, где ты ордена зарабатываешь своим трактором. А я рубахи твои мазутные стирай. В дом не войти. Вонь стоит, как в кочегарке.

— Ты что ж не расписалась? Зачем ты в кочегарку ходила?

— Я была занята. Мы репетировались к смотру в клубе. Слава к бабушке на другой конец посёлка бегал без пальто. Его собака бешеная испугала. Чуть под машину не попал. ...Сказали мне.

В роно мама не поехала, министру не написала, а в школу пришла. Старая учительница её как бы не увидела, хотя и надела свои очки с цепочкой. Мама Аня спросила разрешения, чтобы побыть на последнем уроке. Лариса Васильевна что-то сказала. Мама – такая смелая и настойчивая дома почему-то застенялась, как

ученица и осталась стоять. Будто бы её поставили в наказание за его двойки и тройки.

Шёл урок. Мама стояла. Лицо у Славы пылало огнём. Никодимова расстегнула пальто и спустила на плечи белую пушистую шаль. Учительница её никак не замечала. Ученики смотрели на Славу и хихикали. Особенно старался Колька Мурзаков. Он кивал в сторону его мамы и корчил рожи. Тогда Слава показал кулак. Колька успокоился. А тут Нинка. Толканёт его в бок и сидит, как будто это не она. Слава терпит, и не толкает её в ответ. Дать бы хорошо, но мама говорит, что девочек нельзя бить, ведь они такие слабые. Нинка знает это. Пользуется. Тетрадку в прошлой перемене спрятала. Слава не мог её найти. Лариса Васильевна объявила самостоятельную работу, а тетрадки у Славы не оказалось. Он помнил, что не оставлял её дома.

— Никодимов, ты опять забыл тетрадь? – откуда она узнала, что у него нет тетради. Он же взял запасную, чистую. А тут Надя Давыдова подняла руку. Сказала, что у неё в парте тетрадь Никодимова. Вместо того, чтобы решать примеры, Славе пришлось быстро всё переписывать, так как Лариса Васильевна не разрешила сдавать новую тетрадь. Слава спешил, допускал ошибки, исправлял, но тут же делал другие. Теперь Слава не отличник. Теперь Нинка отличница, но она у него списывает контрольные работы, хотя у неё другой вариант. Лариса Васильевна не замечает. А вот Витьке Капустину поставила двойку за то, что он решил не свой вариант.

«Мама, садись,— шепчет Слава. – Проходи на последнюю парту». Она такая смелая. Летом не испугалась быка, прибежавшего из подсобного хозяйства.

Спасла девчонку Ирку, а то бы её бык закатал на дороге. Не слышит мама. Она уже устала, но стоит и смотрит на доску всеми глазами синего цвета. Нельзя же так, чтобы мама стояла. Другие родители проходят, раздеваются и садятся за последние парты, которые выше других. Лариса Васильевна всем улыбается, шутит, а маме не предложила даже сесть. Славе жалко маму. Он решительно поднимает руку. Лариса Васильевна долго не видит его поднятую руку, хотя он сидит на третьей парте.

— Чего тебе?

— Лариса Васильевна,— срывающимся голосом умоляюще говорит Слава. — Пусть мама сядет за эту парту.

Лариса Васильевна изумлённо смотрит на Славу счастливыми глазами и кивает кучерявой головой. Урок продолжается. Мама устало сидит за партой. Чарующей музыкой звонит звонок в коридоре. Мама подошла и начала вежливо разговаривать с учительницей, которая переключивала классный журнал из руки в руку, как будто торопилась. Слава следил за мамой, делая вид, что занят обложкой «Родной речи».

— Боюсь за сына. Был круглый отличник. А в этом году две тройки уже во второй четверти. Незнаю, что делать. Занимается. Решает все задачи самостоятельно. Почему?

— Плохо себя ведёт? Надоело делать замечания. На уроках постоянно разговаривает, отвлекает весь класс. Предупреждала, если себя будет так вести, то получит за полугодие тройки. По всем предметам. Он знает и продолжает. Назло мне и классу.

Слава видел, как мама опустила голову. Он хотел броситься к ней и сказать, чтоб его рассадили с

Нинкой. Она его всего истолкала острым локтем. Ладно. Решил он, что больше не пошевелится. Не будет ей ничего объяснять, как решать задачи и какие писать окончания в словах на диктанте. Он понял, всё понял. Нинка теперь отличница, а не он.

— Посадите его с прежней девочкой, – сказала мама. – С которой он сидел в прошлом году. Пожалуйста.

Лариса Васильевна строго поджала свои синеватые губы и так посмотрела на маму, что Слава выскочил в коридор. Он не слышал, как мама извинялась и просила не отбивать у мальчика желания хорошо учиться.

Вечером мама рассказывала, как она ходила к директору школы и заступалась за сына. Говорила, что разнесёт эту несправедливую школу по кирпичику, а старую каргу выгонит на пенсию, так как она не педагог, а изверг рода человеческого. Папа подсмеивался, слушая мамины угрозы.

— Нечего защищать её. Сходил бы и разобрался. Ты же по скользящему графику работаешь.

— И разберусь. Мы с сыном не позволим издеваться над нами.

— Я ходила. Нашла общий язык. Мы – педагоги. Тебе это не понять.

— Папа, Лариса Васильевна не разрешала маме сесть, заставила её стоять весь урок.

— Что ты придумываешь? Я сама стояла, чтобы понять, что это за такой учитель, который не имеет ни грамма культуры. Я директору всё рассказала, как меня встретила Лариса. Он пообещал принять меры. Ты тоже должен учиться в школе, а не бегать по коридору.

Получишь хоть одну тройку за полугодие, домой не приходи.

— Сынок, не переживай. Я в среду к тебе приду.

— Нет, папа, не приходи. Она опять будет злиться на меня и стучать линейкой. ...Нет. Не била меня, а Кольку Баранова об доску головой ударила два раза на чтении.

В школу Слава боялся ходить. После каждой тройки мама пила лекарство и ничего не говорила. Он очень радовался, когда получал высокие баллы и плакал, если появлялась «тройка». Плакал он в сарае, где с коровой и овечками, жил верный друг Трезор. Он слизывал с холодных щёк слезины и волновался всем своим собачьим телом, пытаясь хоть как-то успокоить мальчика.

Девочка Нина по-прежнему толкала его локтем, когда он писал, спрашивала, как лучше написать: «чёрствость или чёрсвость»? Он ничего не отвечал, но Лариса Васильевна, видя, как волнуется её внучка, делала замечание Славе Никодимову.

Перед каникулами в школе запахло хвоей и подарками. Это в актовом зале начали старшекласники увешивать игрушками ёлку, а в учительской делили апельсины по бумажным серым мешочкам с нарисованными зелёными ветками и красной надписью: «С Новым 1976 годом!» Слава не радовался празднику. За полугодие у него одна тройка. Только теперь по русскому языку. Как он ни старался получить пятёрку, ничего не выходило. Даже в субботу, когда болел и не был в школе, Лариса Васильевна за что-то поставила в дневник двойку. Он спросил – откуда возникла двойка?

— Учись хорошо и не будет двоек. Много разговариваешь.

Слава смотрел на двойку и никак не мог вспомнить:— за что?

— Не плачь,— говорила Нина. — Ты, как девчонка нюни распустил. У меня только одна четвёрка и я ни капельки не расстраиваюсь. Бабушка ошиблась. Надо было поставить тебе не в субботу, а в пятницу.

— В пятницу я болел...

— Тогда в понедельник. Просто ошиблась. Она старая, вот и ошибается. Твоя мама не ходила бы и не жаловалась директору. Бабушку пошлют за пенсией теперь, и она не станет больше нас учить.

Дед Мороз стучал палкой, просил, чтобы ему глухому рассказывали громко стихотворения. Слава не стал рассказывать. Если глухой, то всеравно ничего не услышит. Он стоял в дверях и смотрел, как другим детям даёт наряженная пионервожатая конфеты и яблоки. Слава думал о маме. Ему жалко её. Она сказала, чтобы он домой не приходил, если получит, хоть одну тройку. Она это сказала очень давно, но он всегда помнил эти слова. «Куда же идти? Если он придёт домой, то мама обидится и будет капли пить из коричневого пузырька. Их осталось очень мало. Ей может не хватить и тогда она заболеет и умрёт, как тётя Алла из магазина игрушек и учебников.

Он сел на мягкий снег у дороги и задумался. Луна, как единственная игрушка на невидимой ёлке, светила на тайгу, на посёлок, на дорогу. Мама утром опять будет ругаться, и называть папу страшным компрачикосом. Он хороший, но никакой не компрачикос. Сегодня

не будут ругаться из-за него. Сегодня праздник. Самый лучший праздник.